

18+

POLAROID

(хроники кулуангвы)

ОЛЕГ
ПЕРВУШИН

МИХАИЛ
УРЖАКОВ

Михаил Уржаков

Polaroid. Хроники Кулуангвы

«Издательские решения»

Уржаков М.

Polaroid. Хроники Кулуангвы / М. Уржаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514910-7

В условиях распада могущественной «Системы», малинового беспредела Новой Экзистенции и провала операции Второй Белофинской военной компании, казалось бы, на первый взгляд бесконечное количество раз повторенная, но обновленная Робинзонада, предлагается вниманию самого широкого круга читателей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-514910-7

© Уржаков М.
© Издательские решения

Содержание

POLAROID	6
Моё «Явление», Материализация на Острове	9
Ловушка для медведей	14
Вторая встреча с медведем	19
Третья встреча	25
Четвертая встреча, патетическая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Polaroid

Хроники Кулуангвы

Олег Первушин
Михаил Уржаков

Редактор Алексей Терентьев

Дизайнер обложки Михаил Узиков

Переводчик Michael Ouzikov

Иллюстратор Михаил Узиков

© Олег Первушин, 2020

© Михаил Уржаков, 2020

© Михаил Узиков, дизайн обложки, 2020

© Michael Ouzikov, перевод, 2020

© Михаил Узиков, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-4910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

POLAROID

(Хроники Кулуангвы)

To: British High Commission
IP-458/12
Report on Investigation

New Scotland Yard,
Victoria Embankment, Westminster,
London SW1A 2JL,
United Kingdom

Criminal Investigation Department (CID)
Homicide Squad

28 August 2007
В Верховную Прокуратуру Великобритании

IP-458/12
Доклад по расследованию

Новый Скотленд Ярд,
Набережная Виктории, Вестминстер,
Лондон SW1A 2JL,
Великобритания

Отдел расследования убийств

28 августа 2007 года

Дополнительный материал к Делу об убийстве
высокопоставленных лиц в графстве Честерфилд
(File №237-15- Ball (Kuluangwa) – Strictly confidential)

Уважаемый Коммисар Прокуратуры, сэръ!

В ходе расследования дела по убийству высокопоставленных, первых лиц государств, а именно, в ходе дополнительного обыска владения Андрея Романова, где произошли трагические события, нами был обнаружен и изучен рукописный дневник некоего Олега Первушина. Эти новые данные, по нашему мнению, позволяют взглянуть по-новому на расследование дела.

Пожалуйста, найдите в приложении копию с оригинала рукописи, написанного в стиле новеллы, дневника, Олега Первушина, русского полярника поневоле, найденную в сейфе главного подозреваемого в деле – русского бизнесмена Андрея Романова. К сожалению, часть материала не поддается расшифровке и точному переводу. Рукопись местами значительно попорчена водой и кровью потерпевшего.

Мы уверены, что необычный черный предмет, мяч, (под названием Кулуангва) фигурировавший в описании свидетелей и, в итоге, забранный Президентом России, является ключевой уликой в этом деле и нашем расследовании.

Сэр, Отдел Расследования Убийств Скотланярда рекомендует и настаивает на официальном запросе в Прокуратуру Российской Федерации о передаче этой важной улики как можно скорее на время расследования в собственность нашей следственной группы. Похожие представления, учитывая причастность к этому преступлению, на передачу улики в руки следствия в самом скором времени подадут следственные группы из Соединенных Штатов, Франции, Японии, Германии, Канады и Италии.

Учитывая сложные отношения с Россией в ходе Первой Белофинской Войны, наступления Красной волны и в интересах следствия нам необходимо получить этот предмет первыми.

С уважением,

Major Investigation Team (MIT)

Michael McNail
Detective

Улика №326, Дневник О. Первушина
(Копия)

Оригинал в хранилище №8, 326/32—11
Новый Скотлан Ярд
Набережная Виктории, Вестминстер,
Лондон SW1 2JL,
Великобритания
К первой странице приложена
(приклеена на обратной стороне) вырванная
заметка из журнала
National Geographic. №3, 1991 год
(на русском языке).

В Арктике и Антарктике существует более 190 законсервированных полярных станций. Запасы топлива и продуктов в них позволили бы существовать одному- двум человекам долгое время – пять-шесть лет.

Для Советского Союза иметь такие станции – своего рода престиж. Кроме этого, они (частично) служат для навигации и поддержки ГлавСевМорПути.

Эти «безлюдные» станции являются также своеобразными метеостанциями.

«National Geographic»
№3, 1991

В условиях распада могущественной «Системы»
и малинового беспредела Новой Экзистенции,
казалось бы, на первый взгляд
бесконечное количество раз повторенная,

но обновленная Робинзонада,
предлагается вниманию
самого широкого круга читателей.

Олег Первушин

«Пишу я и стреляю метко,
Но в этой теме ядом стать
Случилось дару! Очень редко
Сие явление... Что ж...
Как привык —
– буду писать!»

«Я поднялся к высоко охоты —
Я охочусь на много людей —
– Тех, кто моя повесть взволнует!
Зверобой буду, был и теперь...»

3 марта 1995 года.

Если вы не пускали мыльные пузыри при 50 градусах ниже нуля, вам этого не понять.

Возможно, сегодня пятница, 3 марта. С момента моей высадки на эту «обетованную землю» прошло, думаю, дней шесть. Сколько я был в отключке, не знаю, поэтому для первой засечки на стене вывожу – 3 марта.

Сволочи, думали, что я сдохну в этой дыре. Но, как в свое время говорил товарищ Зорин в «Международной панораме»: «Не выйдет, господа капиталисты!»

Хотя иногда мне кажется, что все это происходит со мной во сне. В страшном сне. Не думаю, что эти записи кто-то когда-то найдет, но твердо знаю, что они не дадут мне сойти с ума окончательно. Плюс – идиотизм умирающего профессионала. Это как на войне, «с „лейкой“ и блокнотом» ... Журналист, бляха-муха. Да, забыл представиться, зовут меня Олег Анатольевич Первушин. Прошу любить и жаловать.

12 марта.

«В Арктике и Антарктике существует более 190 законсервированных полярных станций. Запасы топлива и продуктов на них позволили бы существовать там одному-двум человекам долгое время – пять-шесть лет».

Это листок из американского журнала, который чуть не пошел на самокрутки (до того, как я выточил себе трубку из березовой коры), я нашел на столе. Как раз на одной из таких станций. Ранее этот листок лежал в заднем кармане моих джинсов. Ранглер, кажется. Где теперь эти джинсы?

Показания моего обычного компаса (намагниченная иголка в поплавке и банке с маслом) абсолютно верны. На мой юг улетели птицы. Недавно я видел одну стаю северо-западнее моего острова. Видимо, где-то там и есть земля. А я слышал, что компасы в Арктике откровенно врут. Попробую начать писать повесть полярника. Я же писатель-самородок, как мне бывшая говорила, а не фуфел какой-то. По странице, по строчке в день! Через полгода – повесть, через год – роман. Через три – «Война и Мир»!

Моё «Явление», Материализация на Острове

Остров по конфигурации напоминает штат Кулуангва в Мексике. Я так и назвал его – Кулуангва. По странной случайности или по велению судьбы, еще один предмет на этом острове также носит имя Кулуангва. Я вот только совершенно не помню, накурившись ягеля, что пришло первым, этот предмет, или мое осознание, что остров похож на штат?

Эта история случилась со мной на самом деле. Всему виной – деньги, конечно!

«Система» – (мафия, синдикат – тупо назвать, клише) посадила меня на этот Остров Зимовщиков. Но я не хочу быть просто Робинзоном. «Это скушно, девушки». Раз мне не выдалось время биться с «Системой», я хочу стать мыслителем. Если бы я шел путем проб и ошибок в своей необходимости выжить на Острове, эта книга была бы толще «Робинзона Крузо».

Но всё, что мне нужно для жизни, я знаю с детства. Суперчитатель навскидку назовет книги, в которых ребёнка выгоняют в тайгу со словами: «Без добычи не возвращайся!» Но в моей судьбе это как раз тот случай, когда «сказка была былью». Еще из моего полярного детства, от моего отца! И, раз уж, я Робинзон, то я буду рассказывать о своём робинзонстве.

Итак – Дневник Робинзона Третьего Тысячелетия.

Я попал на этот остров совершенно голый. Голый и красивый парниша. Ребята играют меня в нарды – так это можно называть. Выиграет тот, кто вычислит, насколько долго я продержусь. Одни меня «заказали» всего на месяц, другие – на целых шесть лет. Почему меня и почему так далеко, хрен его знает. Видно, так распорядилась судьба. Сколько можно бамжевать? Хоть какая-то, блядь, польза от меня. Парни приговорили меня к шестилетнему заключению на уже пять лет никем не заселенном куске суши в Арктике, на брошенной, вернее, законсервированной полярной станции. И если бы я не служил на Крайнем Севере (почти на Аляске) в войсках «Дальней Бомбардировочной Авиации» и не провел бы несколько лет в тундре со своим отцом, я бы здесь уже сдох. Председатель, Алексей Потапов (про себя я назвал его Колобок), усердно интонируя, говорил мне, а его ассистент (его я обозначил в памяти как Жлоб или Малиновый Пиджак) втолковывал это кулаками в мою голову, и так уже изрядно побитую после падения из окна (это я сбегать хотел): «Ты у меня полюбишь север – не разлюбишь никогда... Я тебе это устрою, наркуша хренов!» Ну вот и устроил.

По ходу, херовый я писатель! Мысли скачут! Это не то, что предвыборную статью моему депутату писать за 540 рублей!

Очухался я (после какой-то дури; на правом бицепсе лиловый синяк от затяжки, дорога в пять шагов по вене, в памяти борт вертолета, металлические клепки, ожог от спирта во рту) на этой законсервированной станции.

На заплеванном ржавчиной металлическом столе записка:

«Мы в нарды тебя разыграли. Ну, ты в курсе, я тебе рассказывал. Теперь, ты Поляроид. Захочешь жить – все найдешь. Побегуешь – сдохнешь! Это Арктика. Твой срок минимум – полгода, максимум – шесть лет. Проверять будем каждые три месяца с вертолета. Если жив – над радиорубкой, на антенне вывешивай ведро. Ведра нет – значит сдох, мы спускаемся, проверяем твою тушку. Но, если ты живой, а ведро не вывесил – тебя ждет польня. Через шесть лет Олежка, мы тебя заберем, встречай с балыком».

Веселые ребята! Я очулся здесь, на полу, совершенным Адамом. Адам Поляроидович Робинзон! Поляроид! В углу потрескивала остатком тепла буржуйка. Ее держат на стан-

циях на случай отказа отопительной системы. Но в ней ничего – только пустой пепел. Колобок и Жлоб, видимо, планировали, что я буду сидеть в избе или, как это, – в рубке, и никуда не буду выходить все время. И тихонько прыгну с ума. В доме все есть, даже запас тополе-вых дров – ими чистят дымоходы... и ни кусочка, ни клочка ткани – это чтобы я не сделал одежду. Еще одно из дебильных условий игроков – типа, как Адам, начинай все с нуля: иди к своему дереву, с Евой у подножья. Живэ чи помре. Есть уголь – целый террикон. Живэ!

Целыми днями я вожусь с радиостанцией. В рубке стояла, как вкопаная! Видимо, тяжело было эвакуировать. Тяжелая, сволочь, как первый советский ЭВМ.

Нет! Я не надеюсь восстановить её и послать «SOS», но мечтаю превратить её хотя бы в радиомаяк. На таком «маяке» я служил в Советской Армии, ВВС, на самом деле, но не летун, керосином бомбардировщики заполнял, часто у радистов сидел, заменял пост. Иногда я слышу такие маяки. Они, не поверите, на средних частотах. По ним ориентируются компасы самолётов. А для начала нужно сделать компас.

Если радиомаяк я видел и даже заходил внутрь (кузова) с мигающими лампочками, то компас только видел в кабине.

К тому же в моей радиостанции ни одного блока – их предусмотрительно изъяли.

Если на Острове будет работать маяк, а у меня будет компас, я смогу уходить от Острова на двадцать-тридцать километров в туман и метель и набираться опыта полярных путешествий и передвижения по дрейфующим льдам. Пусть он, хотя бы, просто шумит на частоте радио-компаса – это позволит идти на этот шум.

Ах, море, море!

Целыми днями я хожу по берегу моря в надежде подстрелить нерпу. Свой арбалет... абалет сделал! – я уже значительно усовершенствовал (в сравнении с луком не убойным для нерпы). С луком я хожу на «дичь». Сейчас арбалет пробивает десятисантиметровую сплоченную доску. Правда, из мягкой древесины. Прошибает! Сверхсамое тяжелое было изготовить спуск. На боевой взвод я ставлю его на специальном станке, навешивая на него груз. Люрики уже улетели. Картошечки бы сейчас, а!!! Здесь только сухая, как у меня в детстве и нет свежих овощей. Но, жратвы! Жратвы у меня море!

Показания моего обычного компаса (намагниченная иголка в поплавке и банке с маслом) абсолютно верны. На мой Юг улетели птицы. Недавно я видел одну стаю северо-западнее моей Кулуангвы. Видимо где-то там и есть земля. А я слышал, что компасы в Арктике врут.

Склеил клейстером из обоев какое-то подобие штанов, и они уже в лохмотья – клею заплаты. Позже опишу, как я такое производство одежды освоил. На безрыбье и обои со стен – рыба!

Вчера подстрелил лебедя. Лебедь оказался альбатросом. Я подкрался к нему из-за скалы и точно попал режущей стрелой в шею. Лук у меня слабый и не пробил бы его. А так он взлетел и, потеряв кровь, упал. Попасть я никак не ожидал, так как до этого стрелял соек на помойках, но ни разу не попадал. Пора шить рубашку из перьев, прясти волокно из пуха. Другой вариант – растить волосы, стричь под корень и ткать одежду из собственных волос. Главное, чтобы не облысеть в скорости. Лучшее – шкуры животных! Но животных нет на моем острове. Одни птицы. Если сюда на остров дойдет медведь и я смогу его убить, моя жизнь в тепле обеспечена. Я знаю, как выделывать шкуры.

Я так понимаю, что если я живу на берегу Острова, омываемого неизвестным мне полярным морем, то я брожу «по берегу моря».

«Поляроид» – Polaroid – у меня, в самом деле, был и я им пользовался частенько, когда работал с плохо «позируемым» объектом. Например, ребёнком. В то время это было редкостью. На «поляроидах», не зная доподлинно его настоящего действия, даже зарабатывали, делая фото. Может это кто-то помнит, но я-то являл собой модного художника и писателя-журналиста, набрасывал сканы и делал моментальные фотки на «Арбате» со своим служебным Поляроидом. По доллару за фотку. 60 рублей! Половину зарплаты в месяц моей матушки-инженера!

Очень неплохо я швыряю копьё, но сила броска думаю, пока никак не достаточна, чтобы убить медведя. А что, если изготовить копьё-рогатину с двумя остриями – им бы возможно ослепить медведя, а уж после этого ему, верно, будет уже не до меня?

Вчера я охотился на уток. Они прилетели откуда-то с севера. Если мой остров в архипелаге, то это архипелаг Новосибирских островов. Другие острова в Полярии находятся в прямой видимости друг от друга. Смешно, но вместо утки завалил песка.

Странно, но «системщики» не спалили радиостанцию – она расположена в доме. То же самое с двигателями радиостанции.

Стягивая шкурку с песка, я весь облился кровью. Какой же я идиот. Совсем забыл надрезать тушку и слить кровь. Хоть распялил тушку. Убил по привычке стрелять. А лучше бы приручил. Поймай второго – через год ходил бы в песцовой шубе.

Ду-у-умай!

Если еще есть песцы надо их отлавливать. Они бродят за медведями или едят мышей, когда те есть. Здесь вряд ли есть мыши. Значит этот бродячий, медвежий.

Пока жил не на Севере – привык к овощам.

Парни, видимо, планировали, что я буду сидеть в избе и никуда не буду выходить все эти десять лет. И тихонько спрыгну с ума.

В доме всё есть, даже, как я говорил, запас тополевых дров – ими чистят дымоходы... и ни кусочка, ни клочка ткани – чтобы я не сделал одежду. Есть уголь – целый террикон.

Огонь я зажег от дымящейся на улице свалки – здесь они сожгли всю имеющуюся на станции одежду и ткань.

Сделал топор, арбалет, ловушку на медведя (чтобы прищемить ему лапу). Так прошло лето. Без осени наступила зима.

Необходимо посмотреть стены – внутри должна быть клеенка. Нужно также переделывать дом – семь комнат мне отапливать совершенно ни к чему. Когда-то я жил в цирковом вагончике, и сейчас мне вполне хватит двадцати квадратных метров. Нужно сделать из птичьих перьев, гусиного пуха и кожи хоть какое-то подобие одежды и обуви. Так и не смог убить животных, любых, чтобы сшить себе одежды. Нужно жить.

Не выходил из дому неделю, клеил костюм каа-ссманавта из обоев и гагачьего пуха в прокладке. Сжег все в каморке, что можно было сжечь...

Остров как остров. Кругом белый пух, будто уже зима. Перестраивая домик, чтобы жить в кухне и меньше топить, я нашел между стенами в опилках хорошую ветку для лука.

Это будет моим первым оружием. Лучший лук – из высушенной черемухи или составной из березы. Я сделал простой, из того, что было под рукой, и занялся уничтожением птичьего поголовья острова. Нашел хороший портфель-саквояж неподалеку от радиорубки. Классный, старый, свиной кожи, немного поеденный временем, но хороший. Внутри какие-то документы, видимо, оставшиеся от станции. Поизучаю позже. Саквояж явно пригодится для походов, пришью ремни – будет заплечный рюкзак.

Это адова зимняя работа – переделывать жилище к зиме. На дворе уже не пух, а снег. Задует метель. Какие-то намеки на полярные сияния. Стрелка компаса поворачивает на них. Это не тот юг, куда улетели птицы. Это – противоположный ей север. Значит, люди не брехали.

В радиорубке, около саквояжа, нашел какой-то смешной маленький черный мячик. Детский мяч, из магазина игрушек? Не знаю. Дети, что ли, у них тут на станции зимовали? Слышал, что папаша брал детей на каникулы, приучал к северу. Как меня мой батя. А что толку? Все равно ничему путному не научил. Хотя, чего греха таить, все-таки какие-то навыки появились и сохранились с детства, вот почему я еще жив.

К весне нужно сделать что-то мореходное. Зимой лучше спать, но это не реально. Дни всё короче. Это как жить в одиночке. Лучше хоть с подсадным ментом или уркой или пидором, но не одному.

Я нашел утонувший, затопленный катер. Полярники по пьяни утопили? В нем, видимо, блоки, запчасти, топор, метео, когда ловили рыбу. А еще нашел лопости от вертолета! Вот откуда они взялись? На горизонте уже льды. Чайки кричат: «Зима! Зима!» Вода совсем уже ледяная и катер только светится из-под воды. Здесь гораздо больше всяких «нужностей», чем на свалке, но как их взять? Видны дыры в корпусе, его расстреляли с берега, и он затонул на глубину приблизительно десять метров. Я плавал над ним на примитивном плоту, сколоченном из половиц сарая.

Ура! Нашел еще один продсклад. Продуктов тьма! Надо долго проверять на сохранность, но... Цинга точно не грозит – килограмма три цитрусового порошка!

Откопал под углем лом. Нашел еще один топор. Первый же свой топор я сделал из плоской гальки и завязал кожей в топорище из трёхветочной развилки – по берегу валяется стланик – совсем как на Севере. Впрочем, что это я, это и есть Север.

Этот топор – камень с дыркой. Я буду добывать им медведя, когда научусь глушить его из более мощного арбалета.

Я не знаю, где у медведя сердце и буду бить в лоб.

Таким топором можно выдолбить лодку. Только сначала надо склеить все тополевые дрова. Связать и склеить, предварительно подогнав, друг к другу.

Очень
Простая вещь —
Самодельный миномёт
Для обстрела
бензозаправок

Собрал подмороженные ягоды. Жуткий насморк – ведь всё еще хожу почти голый. Собрал железо со свалки, лес, бревна, доски с берега, надо сделать лопату – откапываться

зимой. Мне надо дать Нобелевку за очистку Севера! Собрал сигнальный костёр – видел след самолёта в небе.

Первые признаки шизофрении? Черт, даже поговорить не с кем. Зачем песка грохнул? Хоть было бы в глаза кому взглянуть...

Писать, писать и писать. А еще лучше – почитать бы что-нибудь. Странно, но на всей станции только одна книга – «Основы и правила игры в футбол». И та на английском. Моих познаний хватит только на перевод двух десятков слов. Да еще дневники и документы какого-то профессора. Прочитал первые пару страниц. Ничо не понятно для моих тупых мозгов. Многое, судя по всему, сожжено, но кое-что почитать можно. О мячике, кстати. Заметил, что мяч светится по ночам. Зелено-голубым светом. Не всегда, но в момент самых трудных моих дней. Или мне кажется. Наверное, это просто резина с примесью фосфора. Как собака Баскервиллей. Набирает свет за день, а потом, когда я просыпаюсь, вижу, что светится! Иногда, нет, даже часто, мне снится, что я с ним разговариваю, как с убитым мной песцом! Ну вот, из песка трусы сделал, а мяч стал собеседником. Что еще нужно!

Жуткий насморк – ведь все еще хожу почти голый. Собрал железо со свалки, всякие доски, палки, лес с берега, надо сделать лопату – откапываться зимой. Собрал сигнальный костер – видел след самолета в небе. Очень высоко.

Ха! Начал просматривать писанину из саквояжа повнимательней. За-нима-аа-ательная, оказывается, скажу вам, хрестоматия! Мне бы такие расклады в моей деревне да агента-издателя получше – давно бы в люди вышел, как моя Катька мне говорила...

Пишу все на тех же обоях. В одной из комнат – там, наверное, жила женицина (врач? подстилка?) – этих обоев в маленькие розочки хватит лет на пять, если писать по странице в день. Вот только хватило бы этих пяти замученных химических карандашей, которые нашел в комнате радиосвязи!

Рядом с печкой посадил табак. Не думаю, что вырастет, но главное – посадить надежду. Это ведь как играть в спортлото. Просто даришь себе надежду – а это не так мало. Хватит курить ягель! Вообще-то – хватит курить! Вредно – мне еще шесть лет, как минимум, жить! Семена нашел в махорке, махорку в пакетике на полке. Пакетик из книги «Диктанты русского языка». Кто-то учился, как я в армии. «Люблю грозу в начале мая...» Долго смеялся.

Стало совсем холодно в моей бумажной одежде. Задача минимум, как у Ленина, одеться! Из песка получились довольно приличные, теплые шорты. На очереди – медведь. В одежде из обоев я выгляжу как большая кукла из папье-маше. Сковывает движения, приходит в негодность за два три выхода в «свет». Еще день уходит на производство нового папье-кутюра.

Ловушка для медведей

Я долго думал, как мне устроить медведям «весёлую жизнь». Они терроризируют моё сознание, не суют лапы в мой прижим. И вот однажды меня осенило – надо построить лабиринт, тоннель и приучить их к переходам, входам, ступенькам, чтобы они не боялись там бродить. А уж потом сверху я буду обрушивать на них массы льда или ранить их из боковых, малых ходов копьём.

Сооружение этого лабиринта заняло у меня два года. Но...

Оно так никогда и не сработало, просто стало ненужным, после того как я нашел более эффективное оружие. А потом... Медведей просто не было! Может они и были, но в лабиринт этот мой никогда не заходили. Почему я их всегда считал тупыми – нет, они мудрее чем некоторые наши вожди, которые просрвали Союз Советских Социалистических Республик!

По этому лабиринту мне самому понравилось бродить время от времени. Я даже достраивал его потом для самого себя.

Так люди бродят по своим воспоминаниям, пишат мемуары (где всё переделывают, разговаривают и спорят сами с собой, как тот профессор, который об этом своем мяче писал, как объединственном друге. Они выставляют себя лучшие (чище), мудрее или мудрёнее).

Надеюсь, мои записи на обоях к ним не относятся. Эти записи просто служат свою нелегкую службу и не дают сойти мне с ума.

Я труженик. Мне надо было чем-то заняться. Я сделал лабиринт. Когда меня стали интересовать звёзды, я пытался превратить его в ледяной календарь (как Стоунхендж). А в записках профессора Тейхриба я прочитал, что Стоунхендж вовсе не был обсерваторией, а просто футбольным полем, где кельты гоняли футбол отрубленными головами своих врагов и бухали эль за победу!

Что-то вышло похожее с моим лабиринтом, я часто гоняю здесь свой черный мячик под названием Кулуангва, но наматывать здесь километры стало сложнее.

Когда-нибудь я точно вернусь домой!

До сих пор я живу без чувства Страх за свою жизнь.

Настоящего Страх, когда сереешь лицом и проваливаешься в мерзкий, хлопаящий поток холодного пота. Три вопроса возникает у человека, когда он ставит перед собой задачу, пытаясь чего-то достичь.

Сколько я уже отшагал до сегодняшнего дня? Где я сейчас? Сколько еще осталось, если осталось вообще? Но мы не песчинки, мы можем идти против ветра!

Если даже на один из этих вопросов невозможно ответить, в человеке ничего не остаётся кроме бесконечной усталости, неуверенности в себе и бесконечного же Страх. Поэтому я пытаюсь держать в голове ответ хотя бы на один вопрос. Последний.

Календарь из семи зачеркнутых полосок еженедельно пополняет собой граффити на стене моей одинокой комнаты, одинокой полярной станции, одинокой полярной жизни. И дело тут не в физических лишениях или технических трудностях, а лишь в том, сколько еще я смогу себя контролировать.

Домой приеду – будет жарко.

А вдруг бандиты в малиновых пиджаках узнают, что я вырос на Северах? Приедут и шлёпнут, чтобы не сбежал. Зная дом, нужно использовать это, чтобы завладеть их оружием. Выйти незаметно из дома и подкрасться к вертолёту. Нужен маскхалат. К вертолёту можно подкрасться и без оружия (то есть, без огнестрельного, с ножом) и уделать экипаж. На его территории, но это сложно.

Нужно мачете. А у экипажа должно быть оружие.

Хотя, вертолёт мне всё равно не поднять. Навыков нет. Бомбардировщик бы поднял, видел, как в армии летёхи идут на свой первый полет. Лица белые, ноги полусогнуты.

Значит, снова биться с бандитами среди валунов? А ведь они профи, и, скорее всего – суперпроффи. Это будет Норстерн! Были вестерны, был истерн – «Белое солнце пустыни», а у меня будет Норстерн! «Поляррид» – норстерн! Закидаю их – мячем!

Молодцевато
Взбирается по вантам
Влюбившаяся
В обаятельного Нельсона
Замаскированная
Девочка-юнга

Я никогда не говорил, да, и Потапов и не спрашивал, что их покорный слуга вырос в глуши. Наоборот, кричал им, что я учился в Москве.

А приземлиться они смогут и так, чтобы я не услышал, потом подойти и шлёпнуть через окошко из склеенных стёкол.

А песца я убил. Сов я не видал, а, значит, и леммингов нет, и песец этот был бродячий. Тогда, есть и медведи, за которыми бродят такие песцы-шакалы. Значит, есть и нерпа. Песец бы их за версту учуял.

Против человека и свинцовый шарик – оружие. Аккумуляторы все на дне, в баркасе. Труд всюду труд и здесь не заляжешь в спячку, хотя жратвы навалом.

Придет косолапый, зажмет лапу меж брёвен, и на нём я буду тренироваться убивать. Только бы шкуру не испортить. Моими топорами тушу не разрубить, и пилы нет. Обставить её бочками, насыпать в них уголь и перекрыть брёвнами.

Вот как я пишу и правый край строки вверх, так и при ходьбе человек забирает вправо. Очень просто можно в туман потерять Остров. В туман и снегопад. Еще и одежды нет! Говорят, что, если строки уходят вверх, значит человек позитивный, верит в себя!

Как люди в тюрьме сидят? Мы в армии арестовали в патруле одного лейтенанта-медика. Он шёл, надев форму товарища, поохмить в другой посёлок. И тут, мы! Хотел сказать своей девке, что его по спецнабору в Афганистан берут, ну и... Мы служим, а он от армии спасается... Короче, ему от нашего караула досталось.

Вот так и я. Какая у меня вина? За что меня сюда?

Сварить в баке клей, шило, проволока. Штаны, куртка, валенки – программа-минимум. Потом лыжи.

Дома у меня всё, кроме ружья – я ведь хорошо зарабатывал. Ездил проводником в почтовых вагонах по всей стране, книги писал. Одну издали даже! Но, однажды, появились они...

В армии у нас в эскадрильях были карабины. На разводе – летчики, человек двадцать и пара солдат в эскадрилье. Смех!

Сейчас бы лётное обмундирование и реактивную пайку!

Я бы пошел на юг. Хрен с этим Островом! Ну, и заблудишься! Со штурманским планшетом не заблудишься. На самолётах механические ЭВМ, компьютеры стояли – не одной лампы!

Вот техника! Мне бы сюда такой-же музейный телек. Сколько было всего!?! Зачем человек рождается?

Поиграю в поезд: «Тук-тук-тук! Станция «Бологое»! Теперь до Малой Вишеры, а оттуда в Питер! Рисовать белыми ночами, жить в мезонине. «Петра унылое творенье...» Стоп! Не «унылое» – «любимое»! «Петра любимое творенье! Что тебе в вымени моём»? Ля-пота!

Так, надо останавливаться, крыша определенно слетает на юг!

Появилась Система, не стало Вооруженной мощи. Как вороны на авиационной свалке. Вот где полярность! Я единственный умел запрягать лошадь и вывозил в наряде отходы с кухни. Мимо красавцев самолётов. Вот на чем держалась мощь. Или прятался в коробах вентиляции. Мощь рушилась на глазах – в цехе «летающих тарелок» (посудомойке) – застой.

Лейтенант из училища хватается всех мыть тарелки для второй смены. Смена – стройбат. Если их быстро не покормить, они в столовой столкнутся с русскими и быть драке. Еще бегают какие-то, не подчиняющиеся никаким сменам штабные, караульные, всякие объектные, командированные и гора мытой посуды тает на глазах. Лейтенант сам с пистолетом встаёт на охрану и некому подгонять мойщиков. Из пистолета он еще сегодня будет стрелять, разнимая побоище из-за какого-то чурки, обиженного в какой-то эскадрилье.

Славься, авиационная мощь империи!

Лейтенант не знает, что я сплю над ним в семи метрах, а то и дрочу, так как пью кисель до того, как в него засыпают бром.

На кого мы дрочили?

Это сейчас надо, чтобы девушка вышла из шикарного авто, мустанга или пежо, «на худой конец» (как к месту!), упакована, крутые парни её домогаются, она актриса, модель. А тогда главное была форма, а не содержание. Еще представляешь, что она девушка, даже если на лице у неё написано, что она только из-за этого фото в журнале легла под десяток.

Я что-то рисовал библиотекарьше и вырезал фотки для дембельских альбомов и иных нужд.

НЕ добровольно я здесь, на Острове, не как в армии. Если бы сразу в Москву поехал, то, может, моя жизнь сложилась бы удачнее. Какую-нибудь иностранку бы нашел на Олимпиаде и сейчас был бы архитектор с мировым именем. А в армии у меня был шанс попасть в Москву в школу КГБ, но об этом я узнал только после службы. Но не знал и дрочил в вентиляции.

Нашел в сараюхе ёлку (люминевую). Скоро новый год, судя по моим засечкам. Мой Остров вытянут с востока на запад.

Сделал копьё. Судя по береговой черте, Остров постоянно окружен (даже летом) льдами и прошлое лето – исключение. Поэтому я и встретился с медведем у Рощи – так я назвал кусты полярных ив (по ним я еще определил точно юг, по срезам колец). Есть еще Залив Скал Неудавшегося Контрразведчика – я ведь мог бы стать Штирлицем если бы поехал в Москву после службы в армии. Всё ничего! Я забирался по стеллажам с посудой на верхотуру, в воздуховоды, а, оказывается, карабкался вверх, а опускался вниз.

Стиль изложения у меня – диктантский.

Надо на мачте сделать наблюдательный пункт.

Всегда вспышка мыслей, а потом летаргия и меланхолия. После почти года одиночества вспышки посещают всё реже и реже, меланхолия становится завсегдаем.

Пока она не наступила – расскажу о первой встрече с медведем. О детском бродяжничестве потом.

Первая встреча с хозяином Арктики.

(Красную книгу я чту (как Б.О. и У.К.), но только самозащищаюсь, хотя консервы приелись, как полярные сияния).

Нагруженный связанными на проволоку гагами, гусями и кайрами с люриками, я совсем уже возвращался домой, когда узрел Его. Нет, не на узком перешейке – обойти его я мог и вправо, и влево, пусть испортив бумажные боты.

Ужас перед человеком, с той поры, как он вернулся после оледенения в Арктику, живёт в душе полярного медведя, передается генетически – так много их настреляли. Но в какой мере он ассоциирует меня с Человеком-убийцей всего живого (даже чистой воды) на Земле?

Таща в одной руке пудовый (опишу потом конструкцию) арбалет, а в другой резавшую руку проволоку с тушками птиц, я попер на него, как бомж в Москве, на милицейский патруль – и он отступил.

Из своего чудо-арбалета я не мог выстрелить одной рукой, а медведь существо довольно резвое и проворное и, случись, что он кинулся бы в атаку, то вряд ли я успел выстрелить. Вообще, бояться надо не того медведя, которого видишь, а того, который подкрадывается. У меня нет собак, и о нем они не предупредят. Один удар лапой и...

Медведь ушёл, даже убежал как-то боком, недовольно порыкивая, запомнив, что на этом куске земли ходит большой кусок мяса.

Мгновенно исчез холод, а сердце стучало так, как оно прыгало однажды в институте, когда я подходил к любимой девушке, забирался на вершины гор или убегал от отца.

Надо усовершенствовать оружие. Почему бы ни сделать что-то типа огнемёта?

Арбалеты на свалку. Лук лучше. Всё-таки опилки почти как торф – всё сохраняют. У англичан были луки, стрелы прошибали доспехи рыцарей! Пурку а па?

Клеёнки между стенами обнаружил.

Волосы за год отросли. Делаю из них очень даже приличную тетиву и для лука, и для арбалета.

Ничего нового. Холодает. Надо привыкать к этим звёздам. Ковш большой медведицы высоко.

Возле затопленного баркаса отдушина нерпы. Сижу в засаде. Если я здесь зашибу, убью нерпу – у меня будет дополнительный повод нырять. И за мясом и (возможно) за оружием.

Вчера убил розовую чайку. Птиц, тем более зимой, надо не убивать, а кольцевать.

Птиц убиваю из засадного домика.

Я, наверное, мог бы убить медведицу и содержать двух медвежат. Пищи у меня хватит. Тем же птичьим мясом можно взвод медведей накормить.

Не съест
Меня
В
Маске
Подводная
Щука-пантера

Ведь я
Подводная зебра-конёк

Может, вчера во сне последний раз видел солнце. Я помню, как на руднике ребята встречали его. Они брели с рудника тундрой. Был уже крепкий наст, и они шли цепью, без лыж, не след в след, а за их плечами в телогрейках вставало солнце. Всё население прииска высыпало и стреляло в воздух. Парни могли бы доехать с прииска на вездеходе, но шли пешком, потому что был Праздник Солнца.

Вторая встреча с медведем

Он, на сей раз, отрезал мне дорогу к домику. У меня было моё «ноу-хау» – регулируемое дукопье (до шаров я тогда еще не додумался, а о свойствах мяча еще не догадывался). Я быстро прикинул расстояние между его глаз и затянул верёвку.

Медведь приближался ко мне, увидев меня. Обо мне он узнал, прочитав следы, и ждал стоя на задних лапах, застыв, как статуя. Я же не мог в своей легкой одежде просто стоять, не двигаясь на этом ледяном ветру. Ждать, пока он уйдет.

Стараясь совершать как можно меньше ненужных движений, я поднял копьё и метнул в медведя. Оно попало ему в область глаз, и косолапый стал крушить снег вокруг себя, как танк со сбитой гусеницей. Мотнул башкой – копьё вылетело, при этом он орал, как пожарная машина.

Я в этот момент тихонько отползал от него под ветер...

Не выходил из-дому неделю. Сжег всё в каморке, что можно было сжечь...

Мой отец убил медведя в упор (тот опетлил его). Отец называл медведей пренебрежительно «лесными коровами». Я же в детстве убежал в страхе из тайги от простых следов.

Чем больше я хочу убежать отсюда, тем больше мне надо тренироваться. Чем больше я тренируюсь, тем больше рискую.

Мой первый гардероб совсем никуда не годиться. Перья смерзаются. Видимо, перьевую одежду можно одевать лишь под низ и не на голое тело. Перья салятся. А так всё, казалось, просто – связывай перья помельче и всё. Иллюстраторам моего горького повествования придется обойтись без экзотики. Стёганный ватник, который при свете лучины я сейчас дошиваю проволокой, состоит из клеёнки (удалось вчера найти кусок метра полтора-на-два между стенами в дизельной) и птичьей кожи (плюс даже куски изоленты) вполне бы смотрелся в магазине полярного снаряжения – яркие пятна клеёнки, забит гагачьим и гусиным пухом, очень тёплый. Но купаться в нём, падая в проруби или пересекая трещины, не рекомендуется – утает на дно. К телу примотан верёвками – сразу не выпутаешься, не сбросишь. А если и вылезешь на льдину – клеёные швы и кожа разойдутся. Проволока режет ткань.

А уж угроблено птиц!!! После меня останется жратвы больше, чем от прошлых зимовщиков.

Пока проедаю их зелёный горошек... Уже подташнивает.

Цеплял крюком содержимое вельбота и достал... ржавую саблю, или что-то на неё шибко похожее (по Первой Конной). Надрал, как кот яйца! В свете вспышек из печки мозгу головы Метросексуалу и Хмырю...

Я снова о шхуне
Застрявшей
На
Подводных
Эвкалиптах

Растения у меня на окне чахнут, и голубь сдох. Я выкопал летом дикого (как говорили мне родители) лука, а в науке он – луговой, заячьей капусты и еще чего-то съедобного. Пере-

гной принесли растаявшие льдины. Была земля предшественников, опилки, зола. От лучин изба почернела. Катастрофически не хватает знаний по радиоделу, двигателям, садоводству. Сопромат, ах сопромат, как тебя бы вспомнить! А так можно было б послать сигнал электро-сваркой в космос, спутникам.

С головой плохо. Теряю чувство меры в писанине!

Дабы посмотреть баркас, приходится рубить лёд. Зато, вода прозрачна, как богемский хрусталь или алмаз. Правда, ни того, ни другого я в жизни не видел. Не смог обаять в Москве номенклатурищицу, а в Институте их было пруд пруди. Придёшь после смены, а они все «от Диора» и ботают не по-нашему.

Жалею, что не читал книг о полярниках – считал их в сравнении с потомственными северяками – говном. Как страшных номенклатурищиц рядом с красавицами. Может это и так, но у них снаряжение НТР (Научно-Технической Революции), а у меня одна моя шуба – десять кило. И он знает, где он, по карте, по геологии легко определит координаты.

Этот мячик, что нашелся в радиорубке, – интересная вещица. Вчера забрал его к себе на хату. Наверное, у меня были ночные глюки – обкурился ягеля, не мог заснуть, считал овец, слушал ветер. И в какой-то момент мне показалось, что мяч, на который я долго смотрел, стал светиться каким-то слабым зеленоватым сиянием в темноте. Это явно мне не показалось, так как я отчетливо видел старьё будильник на той же полке, время: 3 часа 27 минут.

Вокруг же было темно, как в жопе (так Чапаев Петьке говорил). Тут я, по-видимому, и заснул. Утром вспомнил, когда пошел на двор поссать. Будильник остановился на 3:28. Смешно и странно.

Занимательно, но факт – мячик связан с документами в саквояже. Что-то тут подозрительно «веселое» происходило на станции до моего появления.

Мяч меня согревает по ночам. Или так кажется. Один раз проснулся – печка сдохла, холод чертов. Давно бы замерз, ан нет! Мяч со мной. Держу его под боком, сплю как сурок. Странные, странные сны.

Между грудями прорезь, имитирующая главную. В зеркалах отражается ее томлящееся тело. Груды – огромные спелые арбузы со снятой кожурой. Треугольник между сосками и нижней, главной прорезью. Талия свободно умещается в этом треугольнике, а бедра при этом в три раза больше ее по диаметру. Ее кредо ей в тягость. Она неумело показывает только огромную жопу, закрыв ноги простыней. В зеркалах жопа, жопа, жопа. Волосы – лен. Волосы на головке, которая меньше грудей и, уж, конечно, меньше ягодич. Руки по грудям. Безвольные, только заламывать в бессильной надежде, что кто-то силой переступит ее кредо. Пухлые голяшки и над ними (затронешь – кольшиутся сами по себе) – ляжки. Где зверь – хватать эти ляжки?! Владеть пятью шарами? Прямой спиной? Жалеть о коротких руках, не способных враз обнять эту жопу? Она не с такой нежной кожей, но без обруча, поэтому все предпочитают ее.

Волосы Ниагарой облегают ее тело. Она уходит.

Мокрые волосы облегают талию. Она уходит.

Она подымает руки, пытаюсь соорудить прическу, и видны груды. Я помню их; кажется, что они на ладони. «Н-наа!» Кто-то разводит ладони и подымает вверх, когда она подымает руки. Даже когда она делает это одной рукой, это тоже происходит, но несколько смещенно. И в это время тот, кто получил разрешение на ее кредо, упирается сзади. Будто ей приходится так изгибаться каждый день. А он горячими ладонями раздвигает ягодичы. «Нет! Нет! Нет! Ты же знаешь мое кредо!!!»

Тогда между ладонями уместается талия. Волосы на затылке показывают, как она... насаживается и... ссаживается. Она уходит...

Волосы играют со мной, не показывая румяную попочку.

Потом вижу огромную иголку со жгутом, которая всаживается в мой трепещущий член, обматывается вокруг него петлей, опять всаживается, обматывается, всаживается. Снова, снова. Кровь бьет фонтаном!

Не сны, а просто какой-то садо-мазо-эротический-навигационный альманах получается.

Проснулся – не поверите: жара в кабинке. Я голый, как всегда (одеть-то нечего), мяч, или то, во что он превратился сейчас, облекал мои скромные, сухие бедра, мой член, черной темной, тепло-горячей массой и слабо вибрировал. Когда я в ужасе схватил «это» руками, сорвал с себя и отбросил в сторону, на мой живот вылилось так много спермы, будто я пять палок бросил за ночь. А ведь мог бы! То есть так оно, скорее всего, и было. Смотрю на мяч, а он, скотина, в углу уже лежит кругляшом, и «улыбается», весь мокрый.

Да! По описаниям этого немецкого профессора, что был тут на станции до меня, мяч имеет свое имя – совершенно дурацкое, три дня пытался запомнить – Кулуангва.

Дом остывает и скрипит. Сухое дерево трещит не очень, а в осиновом бору, если его прихватил мороз – просто канонада! Все бревна поскребаны медведем. Скребется возле моей головы в сорока сантиметрах через стенку – неужели чует. Али это какая-то духовна обчность? Мачта воеет. Дом сжимается: «Оххх!» – в ромб, хоть и укреплен тросами. Как бы перетаптывается. Потом наползут туманы. Уйдет медведь.

Опять трещит дерево. Сделать бы автоматическую печку и впасть в спячку. Вчера во впадине около Роуци (так я называю самую высокую часть острова), появился таймень. Наверное, чайка схватила и уронила. Подкарауливаю и постараюсь запасти на зиму.

Все-таки птиц я много извел. Вот за это они мне и мстят: не попадают орнитологам с моими записками на кольцах. А может, и орнитологов-то в России не осталось? Все свалили на юг от бандюганской сволочи в малиновых пиджаках.

А окольцевал за это лето я более пятидесяти штук.

Появились странные зеленые сияния. Всплывающие облака и увеличивающиеся кольца, как круги по воде, лучи, звезды и пятна. Как я раньше не замечал красоты звездного неба! Вот – Южный Крест, а вот – Кассиопея! Очень часто, когда я лежу на спине и наслаждаюсь этим звездным небом, я кладу под голову мяч. Он становится мягким и теплым, как подушка. Иногда мне кажется, что он даже начинает укачивать меня, усыплять. А небо в эти мгновения становится до страшного изумрудно-зеленым. Поначалу мне кажется, что теряю зрение, но сияние исчезает, как только я отнимаю голову от мяча-подушки.

Потеплело и запахло смрадом разложения. Множество гагар гибнет от прибоя. Далеко на востоке открытое море – видно по цвету неба. Ветер. Влажно. Пуховик моментально намокает. Нужно было делать его в два слоя. Вяжу сети. В этом году рыбу почти не ловил.

Играю с мячом около воды. Никогда в школе не интересовался футболом, друзья надо мной смеялись. А вот сейчас вроде и получается неплохо. Посмотрели бы на меня сейчас мои одноклассники! Два раза мяч улетал в воду. Добирался до него на байдарке. Казалось, что

мяч играет со мной. Только до него доплываю – он уходит еще дальше в море. Я за ним – он от меня. Словно зовет уйти с острова. Никуда я не пойду – и здесь хорошо!

Ухожу на байдарке с моим мячом подальше в открытую воду. Он часто будто зовет меня покататься. «Поедем, красно-о-о-отка, ката-а-а-тсья». Страшно. Скалистые, ледяные берега моего Острова, некоторые скалы, особенно около Роуци, как небоскребы преобразуются чайками. Они носятся на фоне этих берегов и глаз, сохраняя линию полета, как бы режет эти и так изрезанные громады.

Не учился радиоделу, пошел токарем, а не слесарем на завод – казалось проще (тем ядовитая стружка – мне бы сейчас этот яд, да на медведя!). Не убивал, не мочил системщиков. Лишь выступал против них по ящику. За это и поплатился.

Сейчас я бы не боялся медведей. Бился с мафиози – хотел бросить его, а он уперся, устоял и начал меня доделывать кулаками с мою голову. Мне нужно было сделать черемуховый лук и засадить ему в правый глаз! А мне чего-то не хватило, как сейчас не хватает моих магнитов вытянуть что-то ценное с баркаса. Был миг – звали «уроботать» их, было единство. Где он этот миг? Между прошлым и будущим...!

Все платят...

Летом разберу пакгауз с движками и построю пристань к баркасу, буду нырять, потом пустой подниму лебёдкой и заштопаю пробоины. И уплыву отсюда! А может и останусь! Чего мне не хватает? Все есть!

Побродить бы по тундре с ружьём. Когда полярное сияние, кажется, что от него зеленеют звезды.

Мои любимые электродвигатели. У меня перед глазами разобранные пять, не могу завести ни один. А так, я бы пускал электрочары, три точки, три тире, три точки, SOS, прямо в космос!

Когда я буду уходить отсюда, я заминирую дом!
Прилетят братки – сгорят дотла!
Надо найти взрывчатку. Наскребу спичечных головок.

Когда перечитал – смеялся минут десять. С головой плохо сегодня... Да, и не только сегодня! Всегда!

Я тренируюсь голодать. Если пойду или поплыву на юг, мне нужно будет съесть в день только полкило пищи – тогда в лодке или на волокуше (хочу сделать гибрид – «лодка-волокуша-судно на подводных крыльях – парусный буер», способный перебираться через торосы) я смогу утащить пищи на сорок дней. Вряд ли моя тренированность выше, чем у известных ходоков.

Так хочется вырвать себе глаз и всырую высосать его с соевым соусом! Какой кайф! И главное, не хочу себя убивать! Хочу есть себя по-частям.

В гниющем мясе убитой мной дичи рождаются черви.

Если их жарить, то очень вкусно. Я великий китаец! Если надо, буду жрать летучих мышей и кошек!

Когда кто-нибудь прочтёт мои записи, он не поверит ни единому слову. Найдутся критики, готовые показать свою эрудицию, свою полярность...

Вот уже больше года я здесь. Для человека не с Севера это было бы романтикой, а меня из романтики больших городов вернули в мир Севера.

Прилетели бы хоть инопланетяне. Смотрю на звёзды.

Я нырял (я морж!) в воду к барже и поднял блок передатчика со схемой на задней панели. Вычернена на серебре или слое серебра или каком-то белом металле. Соображаю. Соображается плохо сегодня...

Моя сабля, оказывается, заводная (стартовая) рукоятка от двигателя. Я вчера видел такую же в заводской упаковке (под водой). Утопил новый движок. От воды у меня фурункулы и ячмень. Скоро весна. Я чувствую.

Перестраиваю дом. Здесь моих познаний хватает. Нужно сделать место для прогулок и игры с мячом (в доме), и стрельбище. Я – Зоркий Сокол. Старый анекдот. Радист забыл свой позывной. «Ромашка, Ромашка, кто я?» «Жопа, ты Сокол!»

Резной
Посох
Шамана
Как отражение
Кочевой веры

Вчера пустил двигатель. И всё у меня было готово в такой степени, что я включил радиостанцию и слышал какие-то шумы (о!). Системой шкивов вытянул вельбот, (трос стрельнул и чуть не убил). Он огромен! Среди барахла нашлись брак-блоки, шпангоуты для байды, топор (настоящий) и много другого, что я еще не понял. Если бы это всё иметь в начале, даже не делал бы канал во льду. Он уже тонкий и вельбот всплыл как субмарина. Сила лебёдки такова, что не пришлось даже вырубать подцепленный еще осенью трос. Поднялась муть и пузыри. Что-то выпало: лебёдка моей системы размолочила кусок льда, почти льдину на тросе. Вода хлестала из бортов в тине. Дождлся ночи и пускал электроразряды в космос. Аккумуляторов нет, и впрямую делал это от двигателя. Сжег динамку. Двигатель мой – монстр, гимн прогресса! Если я буду прогревать его каждые полчаса (как положено по инструкции в армии), я останусь без горючки. Запустил от стартеров два других. Назвал их: Монстр, Люси, Сучка. Выкинул самый перспективный из баркаса, чтобы не примерз. Снял бумагу с него – для меня и она ценность. Именно она так светила на дне.

Эпопея «Акваланги на дне» закончилась. Я могу сделать петлю и притянуть хоть кита. Четыре тонны, конечно, мне в море обратно не сдвинуть, но что-нибудь придумаю, коль льды разойдутся. Даже из угля бензин добуду, если надо!

Знаменательный день сегодня!

Вспоминаю трос и нахожу какое-то утешение в том, что здесь у меня тоже стреляют. Как он хлопнул!

Раньше не завидовал чужой славе. Помню, выступал на первом рок-фестивале Славка Бутусов. Все вокруг и мой «почётный эскорт» девушек орал и рвался из лифчиков. А мне было пофиг – у меня самого было нечто подобное. А сейчас даже Леонтьеву – «...смотрите, как я страдаю!» – завидую. Сижусь как медведь в своей берлоге и боюсь пойти в мир.

Наладить бы радиомаяк... Двигатель уже есть. Нужны лампы. Старые все разбиты или сгорели.

Перед «этим», кстати, те же герлы, я и «Нау» пили. Им Славка был совершенно пофиг, хотя он очень интересный мужчина. Что значит слава! А перед концертом занимал у Мишки Узикова трояк. Узиков – богатая сволочь, зарабатывает на портретах на Пятаке – Площади 1905 года. Портрет в постели стоит 25 рублей. Он делает шесть портретов в день – месячная зарплата инженера! Вот, что значит бедность!

Один Шумский всегда был гений обаятельности. Не нужно ни славы, ни почестей. «Слава им не нужна и величие...» И как юный пионер – всегда готов! И всегда всех перепивал и гитарно перепевал.

Хули-о-Игласез! Дела молодёжные. И после этого мне будут говорить, что Олежка, который в сто раз здоровее Шумского, сам упал с балкона! Да, просто явилось новое поколение, и мы должны уступить им самое дорогое – жизнь.

Почему меня они не убили? Прикололись, или сказался свет прошлой славы? Но если меня нет год, другой, третий – разве я не умер? Или сказали семье: «Будете вякать – убьем!» А может, они желают меня как-то использовать? Они ведь продуманней нас, хотя я и не могу предположить: «Как?» Тот лысый мудака, Алексей Потапов выглядит очень подозрительно похожим на Алексея Потапова из нашего института. Наш был худой и волосатый, правда, а этот жирный и лысый. Наверное, не он! Потапов меня узнал бы. Хотя, я сам как кусок говна выгляжу.

Думают, что я напишу потом мемуары бойцов Системы? Если так, то они добились очень даже противоположного эффекта. Или портрет Осетра? Пожизненный монумент, пожалуйста, чтоб он скорее сдох!

Анекдот о жизни. Чукча вступает в партию.

– Можешь не пить?

– Могу, однако.

– А не курить?

– Могу.

– А не охотиться?

– Могу.

– С женой не спать? За родину жизнь отдать?

– Да, пожалуйста, хоть сейчас!

– А, что так?

– А на хрена мне такая жизнь!

Третья встреча

Дверь склада примерзла и никак не открывалась. Отмотав на лыжах, я пошёл раскочегарить печь и принести в баке (моё ведро) углей, чтобы её оттаять или облить кипятком. А огонь, пока я бродил, погас.

Огонь я получаю, высекая искры над парами бензина.

Стал откапывать бочку, проклиная беспамятность, где бензин в доме, и лом, и оттепель, когда всё обледеневаает, а тут... Он!

Я как в анекдоте, без всего, «только лыжи забыл снять» и на них взлетаю на пирамиду из бочек. Стояли они ненадежно и покатались.

Они катятся, а я по ним на лыжах! Ну, кто мне поверит?!

Когда они раскатились, оборачиваюсь, хочу защититься руками (ножа нет), – он удирает во все лопатки. Оглянулся раз. Вижу, одного глаза нет, черное дупло. Мстить, значит, приходил.

Потеряв обе лыжи, я следом за ним к дому.

Впереди он, за ним черные бочки, следом – тоже весь белый, я.

Четвертая встреча, патетическая

Болтался по дому без одежды, совершенно забыв, где я, пока не столкнулся с ним нос к носу. Вот тогда я понял выражение «волосы встали дыбом». На улицу без оружия я уже не выхожу, так медведь забрался в окно одной из пустующих комнат. Я орал ему что-то несусветное, кричал криком, как говорят. Голос – это всё, что у меня было. Но он не девушка, и не уходил, еле уместаясь в коридоре. Его останавливало, видимо, только то, что он поранил морду о стекло. Вся в крови, плюс – зияющая правая глазница. Мстить опять пришёл за выбитый глаз. Неуловимый мститель! К тому же Он оказался Ею. За окном, в треске ломающихся льдов и кряканье гаг, орал медвежонок. Может, раз она дама, мой голос и мой вид на неё всё-таки подействовали, а, может, при старых зимовщиках она была здесь раньше и сохранила тёплые воспоминания. Тут еще зашумело радио. Я – жив!

Побыл при ней эксгибиционистом из сауны. Раскрылся...

Радио опять сдохло. Прекрасная погода. На юге – мираж земли. Над ней настоящий караван: «К-ррлыы!»

Сделал запасной домик с печкой у склада. Однажды заблудился в пургу, когда шёл от него к дому.

Не удивительно, что этот кусок суши не посещают даже охотники. Слишком мало зверя. Может это запасной вариант Северного Морского Пути? В обход Северной Земли. Вдоль её были станции и теперь они законсервированы, поэтому то основная линия почти не используется. Ледовую обстановку сейчас видно и читают из космоса.

Из койки можно сделать самодельное судно на подводных крыльях. Рассчитать профиль в гидродинамической трубе. Двигатель у меня теперь есть. Льды не расходятся.

Надел повязку на глаза и бродил. Медведице моей одноглазой подкрасться и убить – раз плюнуть. Адреналин гонит толчками кровь.

Профиль крыльев похож на каплю воды в горизонтальном полёте. В вытащенной лодке ничего ценного. Аккумулятор с каплями электролита. Химичу на станции. Нет ламп, нет диодов.

Пирожки со шпротами.

Заваривал окна. Ато придут индейцы Майя и сожрут меня, заставят играть в футбол, а потом, как победителя, изнасилуют и отрубят мою несчастную и большую голову! Индейцы стали сниться каждый день. Красивые и ужасные. Люблю индейцев, они из нашей культуры – северодвинцев!

Нужна кузница и люминеплавка. Люмиииииинь!!!!

Радио бьет током.

Устойчивый северо-западный ветер. Шел мимо, стучал по бочкам копьём. Я без него сейчас не выхожу. Звук! Бочка полная! Как я её пропустил? Надо еще раз тотально обыскать базу. Расцвела карликовая яблоня. Схемы (на серебре) мгновенно поржавели и не читаются. Не догадался их перерисовать. Снова круглые сутки не заходит солнце. Я отмечаю этот день, а не первое робкое краепоказывание. С бутылкой краски (сажа на масле) схожу в сторону при-

лета птиц. Кожа, пух, не вонючий (чтоб не привлекать медведя) клей – всё моё, кроме оружия, снаряжение.

Выкинул все бутылки в воду, а воды то – шиш! Возьму их с собой. И волокуша-плот, и сани-плот в стадии постройки. Лучше-бы спал зиму, чем снаряжение: лыжи – 10 кг, одежда – 20, копьё – 8 и шары. Мириадами (без очков ослепнешь) искр сияет лёд, как вселенная при тысячекратном увеличении.

Закольцевал двенадцать птиц. Из рыбьей кожи можно сделать гидрокостюм. Где бутылки? У нас на прииске их были тонны! Мы по ним стреляли. Я приходил домой типа: «Стрелял по лебедям на озере. Оно было отравлено взрывчаткой. Но не попал».

Туда было очень далеко. А сам в это время играл с Клещём в морской бой самодельными корабликами. Пороха было навалом.

Радио: «Брр-шшшш!»

Сползал на юг. Не получилось есть мало. Как отмотаешь – так и полопаешь. Пот морду жрёт. Снимаешь гусиную одежду, выворачиваешь наружу, и пот моментально замерзает. Счищаешь её щеткой, купаешься в разводях и – в путь. Спишь на торосах как тюлень – просыпаешься от страха и холода и оглядываешься сквозь закоптелые очки. Только один раз сбил стрелой ворону (как сюда залетела?). Жратва кончилась на пятые сутки. Истратил пять литров краски на метки пройденного пути. Снятся женщины. Нужно брать жратвы на два месяца и как-то навигировать, не по краске. Сани тянут на сорок килограмм!

Лето! Ну, и что? Тюрьма!

Сделал себе однозарядный обрез. Таскаю на боку. Ужас, а не лень – мать рационализации. Я изобретатель нового пороха и нового капсуля. Мой порох из найденных в бараке спичек под лапами (целую коробку нашёл!) а капсуль – искромёт.

Моя нерусская печь стала коптить. Я разобрал волокушу-неудачницу и спалил её. Много рыбы в малой воде и мало птиц. Окольцованные еще не улетели.

Через три месяца они будут на большой земле и тогда...

Закалился, но мало ходю. Вообще, ходю с детства по пять-шесть километров минимум, но надо тридцать-сорок. Дней восемьдесят.

Сварил устриц.

Табак лучше выращивать летом. У меня коллекция трубок.

Подобрал чайку.

Никак! не предугадаю здешние погоды.

Полярный Минхаузен.

Необходимое объяснение.

Думал я, думал, как мне сделать, написать, чтобы мне поверили? И вот, что придумал. А напишу-ка я, будто я не здесь пишу, на этой грёбаной станции, а где-нибудь просто дома. То есть я всё, будь-то бы, придумываю. Престижизитация такая. И сравню это с тем, что пишу здесь из жизни. Может, они друг от друга-то и отличаться не будут, и зачем тогда писать? Время есть, на улице склизко и слякотно, уютно скворчит лучина.

Всё равно никто не поверит. Нансен я был бы, и не было меня дома, а потом объявился – это другое дело (авторитет!). А мне кто поверит? И так – я дома.

Дневник полярника, (как-бы реальный), для книги!

Я прилетел в Детство. Для иного оказаться в моей ситуации означало-бы верную, мучительную смерть, а я вернулся в Детство. Конечно, там было больше зелени, но я не был свободен.

Поэтому, если что-то в этом описании покажется вам подозрительным или невероятным, вы, пожалуйста, вспомните своё детство и что в нём, в вашем безоблачном (я надеюсь) детстве было обычным, а теперь по прошествии лет кажется невероятным. Если такого в вашем детстве не было, я искренне и честно-откровенно сожалею, мне жаль вас, бедолагу.

Для меня сейчас невероятно было бы целый день выпиливать из досок автоматы, играть ими, ломать их и выпиливать снова и снова играть, но именно этим я занимался в детстве.

В детстве я ел строганину и не был избалован витаминами. Сейчас, сплётённой из проволоки сеткой я стремлюсь наловить, заготовить как можно больше рыбы на зиму. Холодно.

Когда будет время, я расскажу вам кто я и что я...

А сейчас надо удить рыбу. Из крупной я склею надувную лодку и уплыву отсюда.

Ну, вот, можно и передохнуть.

Я не проиграл экстрим-пари, не авиакатастрофец. Меня по приговору Мафши отравили, накачав наркотиками, в гробу, на неизвестный остров в известном (за 70 градусов северной широты) океане. Знали, что в тюрьме я свихнусь, а я им еще нужен.

Непонятно только зачем, после всех этих лет.

Когда я работал по спецсредствам, у меня остались связи. Сейчас они у них есть. Но могут выйти из строя. Пора пахать. В Арктике час год кормит!

Когда меня «арестовали» я сидел обдолбанный на асфальте у Трёх вокзалов. Полчаса назад был в аптеке, где купил поливитамины. Куртка у меня с дыркой в подкладке, они туда провалились. Их безалаберность не знает предела. Они высадили меня с палаткой и ящиком тушёнки на айсберг. Они думают, что найдут его после.

Тепло. Я, используя вырытую весенними водами пещеру, забиваю её рыбой, икрой, яйцами, гусями (когда мой плавающий остров причаливает к «стабильным» островам) лириками. На островах я нашёл даже ржавый немецкий «шмайсер» и видел в глубине подводную лодку. Когда айсберг вынесет в Гренландское море, я использую разный найденный хлам для плота.

Когда мне попадетя нерпа или тюлень я убиваю их палкой. Я собрал на острове вот такой формы «\$» ягель и хочу добывать огонь. Спички я тратить не буду, я сделаю из них пули к автомату убивать системщиков.

Я всегда тепло одеваюсь, и моя одежда подходит для Арктики. Цинга мне не грозит. В подкладке у меня пачка поливитаминов. Когда они меня брали – они усыпили меня и затолкали в автомобиль.

Я служил в спецназе, но они применили спецсредства.

Я догнал в марш-броске медведя и убил его пинком под жопу...

Что ж, дневник получается не такой убедительный, как мой. Наверное, стоит продолжать писать настоящей, свой, и на подходе «Суперполярная повесть»!

Прочитал сегодня всё это. Что написал вчера, и посмеялся до слёз...

Мой маленький черный друг вот уже несколько дней живет своей жизнью, то есть лежит черным камнем на полке. Оживает и светится, только когда я выхожу из моей норы.

Особенно он счастлив в моменты моих водных прогулок. Подозреваю, что он прямо спит и видит, как я на своей байдарке, сколоченной и склеенной из досок крыши бани, покину, наконец, этот остров.

Так вот я и пригреб на льдину – меня прямо тащило, будто в моторной лодке. Думаю, что, если и правда, остаться и плыть куда глаза глядят на этой льдине? Потом одернул себя – чо я, дурак? И тут, братцы, случилась со мной престранная вещь. Когда собрался я с этого айсберга на базу уходить, не смог байдарку свою со льда сдвинуть! Ну хоть тресни. Вмерзла в лед, как корабли Беринга. Туда ее, сюда ее. Ни в какую. Скоро темнеть будет, хоть и белые ночи, но лучшие загодя выбираться. Едва-едва вырвал байду из льдины, бросил мяч на дно, плыву. И вот в середине моего турне начал я тонуть. Видимо, когда посудину выдерживал изо льда, сместил доски. Двадцать-тридцать метров плыву, полчаса выгребая воду. Руки превратились в куски холодного мяса очень скоро. Я даже не мог держать весло. Еще метров двадцать, и байда пошла ко дну.

Мяч засунул под скафандр, а сам – в воду. До моего острова рукой подать, но не доплыть мне. Вода ледяная, через десять метров стал коченеть. И вдруг мяч мой из тяжелого камня превратился в поплавок. Выпорхнул у меня из-под куртки прямо в руки и потянул меня к берегу. Выкарабкался я на льдину, тяжелый, как мешок с говном, и потерял сознание. Сколько лежал – не знаю, очнулся. Озираюсь. Вокруг бурлит равнодушное, безжалостное море. Я почувствовал, как душа смиряется с неизбежным. Балансируя на грани сознания и обморока, я смотрел на бесконечные волны. Хорошо слышал свое дыхание. Оно становилось все слабее. Тело уже не могло бороться с чувством тяжести, которое возникло от того, что кровь отливает от рук и ног. Скоро придут первые ощущения смерти. Так они пришли к моему деду, который замерз пьяным в санях, везя дрова на охотничью заимку, пока там куражилось с девками районное начальство. Они не будут болезненными, напротив, почти приятными.

Но что-то не давало мне уйти – уйти просто и легко, как я давно себе это представлял. Что-то заставляло меня изо всех сил бороться с сонливостью. Следуя заложенному природой инстинкту, тело пыталось поддержать работу жизненно важных органов и в то же время сохранить сознание. И все же, несмотря на это, скоро наступит, как его дьявол, гипотермия. Онемеют руки и ноги – кровь отступит из них, устремится к внутренним, жизненно важным органам. Потом придут галлюцинации, сладкие, теплые сны. Это потому, что пульс замедляется, дыхание замедляется – и наступает кислородное голодание мозга. Потом тело совершит последнюю попытку сохранить тепло, отказавшись от всех процессов, кроме дыхания и работы сердца. Тут я должен был потерять сознание окончательно. Последний этап – прекращение деятельности сердца и остановка дыхания.

Самая прекрасная смерть, которую только себе может пожелать человек. И лучший способ самоубийства! В моем распоряжении осталось, может, минут двадцать, при лучшем раскладе – полчаса. Если бы я не промок до нитки, можно было бы продержаться и дольше. Я лежал на спине, на белой холодной плоскости льда и ждал, когда же, наконец, станет тепло, как обещали все эти хуевы ученые из умных книжечек. Наконец я его почувствовал. Тепло стало исходить откуда-то сбоку, одной единственной, теплой точкой, потом стало мягко распространяться по всему телу. Повернулся из последних сил и увидел, что мой маленький черный спаситель, мой спасательный круг не лежит уже в отдалении за сугробом, а каким-то образом подобрался ко мне под бок. И стал вдруг горячим, как хорошая батарея. Или у меня глюки, подумал я. Когда рука отогрелась, тепло пошло к горлу, к голове. Я закашлялся, приподнялся и перекатил мяч на грудь, и вот тут, кажется, снова потерял сознание.

Очнулся в тепле. Кубрик клубится жаром, даже пол подо мной, и тот – теплый. Мяч в углу – усакал, маленький черт! Кто меня дотащил? Стал орать. Наверное, прилетели мои карточные игроки и вытащили меня? Но нет же. Ведро вчера на антенне было, крепеж сам еще раз проверял. Ору – никто не отзывается. Черт знает, может, сам в беспамятстве

дополз, дверь открыл, печку растопил (благо дрова наготове лежали внутри), потом упал. Главное, не помню ничего!

Ну хорошо, вскарабкался к столу, опорожнил чайник воды, прямо в горло из дула. Вскрыл банку тушенки – живу! Сбросил с себя бумажный комбез, осторожно потрогал мяч – теплый. И снова свалился от полного бессилия. Ночью, когда лежал в крошечной темноте, прижимая мяч к груди, отчетливо слышал: «Ты должен жить, ты должен жить, ты должен жить ради меня!» Слышал так, что даже соскочил и зажег коптильню. Никого вокруг, только мяч подрагивает в руке. Спаситель мой».

Встреча-побоище или операция «Приятного аппетита».

Они бежали наперегонки к моему мясу. Мела лёгкая позёмка. Они увидели меня, когда я пересекал со всем своим барахлом большую снежную поляну. Хотя, и потом они легко вышли бы на меня по моему следу. Я заканчивал свой круг по льдам вокруг острова. Три дня не ел горячего. Истратил всю краску, метил льдины, чтобы потом легче отыскать моё узилище. Устал. Мечтал о своей затирухе, чтобы в ней оказалось побольше яичного порошка, чем горчичного – они похожи. Думал, что надо будут починить сваю – она совсем сгнила, хотя дерево в Арктике почти не гниёт, но она как раз под баней. Я видел, как разрушаются здания – никаких признаков и... Подкос сваи, летят венцы и на сладко спящего сыпется крыша. Связать её тросом. Была бы кузня! (Опять птичек «мочить», чтобы сделать меха для неё!)

Сверкал снег. Было как раз «рассветало» среди полярной ночи. Тогда я пожалел, что не сделал огнемёт.

Мне повезло в том, что один обогнал всех остальных. Это был самец килограмм на триста. Я подготовил «било». Потоптался на лыжах. Скинул свою псевдо-шубу. Было абсолютное спокойствие. Первого я уложил, и второй стал его обходить. У меня было время для нового замаха, но в первом я выложился, и он только опешил. Медведь на задних лапах для моего нового оружия недостижим – он отбивается передними лапами почище Касиуса Клея. Один удар – и я «ушёл». Ну, а уж сверху он мне переломает хребет-позвоночник. «Тсс-ppp!»

На подходе был, точнее, была третья. Моя одноглазая мстительница. И я отступил.

Медведи разорялись, как получившие по морде от того, кому можно меня догнать. Потом принялись за своего напарника.

Когда люди, наконец-то, устремятся к иным мирам, на корабль нельзя пускать жесниц. Точнее, таких жесниц, которых мало, но которые могут стать, подобно Елене Прекрасной, яблоком раздора и смогут спровоцировать резню на корабле.

Иначе все они там... и к Земле... бомбой!

Как вычислить таких жесниц?

На корабле должны быть девочки, которых можно просчитать и отправить обратно.

Такая «жесница резни» настолько же привлекательна вначале, как отвратительна после. Может со временем она начинает выделять какие-то флюиды? И она никогда не может принадлежать и быть женой одного мужчины.

Баня. Наша старая школа. Запах горящих торфяных полей. Петлэй ловили щук, и трактористка в красном тракторе тушила торф, а потом в бане оказалась прекрасной жгучей брюнеткой.

Горы. В школе учили сразу четыре класса в одном помещении, и в первом классе ты уже знал до четвертого.

Лето. Реки детства. Песня рулевого на реке. Корабль, купленный на все деньги, которые дали родители, уносится течением, и ты бежишь, как Ассоль, за Алыми парусами. Самолёты детства переносят в мир, где ночью ночь, тепло, пальмы.

Поезда детства стоят на перегонах и здесь уже джунгли, трещины в земле с детскую ладонь, а в воде прозрачные купальники. Лето, лето! Корни деревьев и еще так много речных пароходов, и сплав, поршневые самолёты, и паровозы, и лошади-тяжеловозы. И: «Работают все радиостанции Советского Союза...»

Я – ровесник космической эры и, если понадобится, силой загоню человечество к звёздам!

Прочитал и подумал: «Чёй-то я раздухарился, ка-а-а-сманавт...?»

Я – ВШИСТР – Высоко-Широтья Страж – Поляр oid!

Воображаю, как прилетят братки и своё поражение при этом. Ну, нет! Пусть поздно, но я уберусь с Острова.

Я выучился стрелять из лука с невероятной скоростью и точно попадать в цель. Даже в чаек попадаю тупыми стрелами по оперенью. А у чайки такой роскошный хвост!

Из девяти окольцованных птиц в этом году ни одна не вернулась. Да, и птицы какие-то новые – старых я запомнил. В этом году больше гаг.

Ничего нового. Плюс два градуса (я думаю).

Стало совсем холодно в моей бумажной одежде. Задача минимум (как у Ленина – революция) – одеться. Из песка получились довольно приличные теплые шорты. На очереди – медведь. В одежде из обоев я выгляжу как большая кукла из папье-маше. Сковывает движения, приходит в негодность за два-три выхода «в свет». Еще день уходит на производство нового папье-маше от кутюр. Варианты? Нет таких. Замочить медведя – интересная идея, но как?

Подтянул лебедкой что-то морское, зацепив его с байдарки. Долго бился, два раза чуть не перевернулся, начерпал воды. Пришлось рубить трос. Я думаю, это была стеллерова «морская корова». Попробую таким же способом цеплять моржей. Жалко, но надо создавать запас мяса.

Разбросаю его по округе, и сюда придут медведи.

Смешно, но за медведями придут охотники. Это план спасения номер два.

Изготовил утепленную волокушу. В ней можно спать летом, когда резко похолодает, а снега для иглу нет – он весь растаял. Такие дела здесь – обыденность. Не думаю, что медведь сразу начнет крушить волокушу. Тяжёлая, а я еще хотел сделать её прочнее и покрыть шипами. Если затаскивать её на вершину тороса и этот торос окружать неустойчивыми кусками льда, причем сама она должна быть зафиксирована хорошо, то в ней будет безопасно. Далеко бы на ней я не поплыл, а на короткое расстояние можно. Хочу еще приделать к ней водные крылья.

Много рыбы и чаек. Плавники касаток то и дело разрезают воду. Тепло. Не то что компас, а даже солнце в этих местах в своей высшей точке проявляет непостоянство положения. Если смотреть через два шеста, оно то над ближней к морю скалой, то над дальней. Звёзды тоже порой смещаются.

Или это рефракция?

Когда ветер налетает на дом с фронтальной стороны, он воеет по-другому, чем когда дует с тыла при одинаковой скорости. Неодинаковая аэродинамика. Но вой меняется от разных скоростей ветра, от влажности воздуха, давления, от которого болит голова, и снежности.

Вчера был медведь, который, видимо, как и я, считает, что главное – это движение. Всё исходил. На помойке им у меня делать нечего – я закрыл её неподъемной крышкой. У них ведь нюх отменный. Вырыл яму до льда – под домом, видимо, ледник. Конечно, шпроты лучше, чем сайка с кишками. Медведи скрипят, обходя дом, тоже по-разному. Одни деловито, а другие – настороженно. Замрет, и часами не шевелиться – уже знаешь, что он там никуда не ушел, а всё равно не верится, что у него может быть такое терпение. Чего он там увидел?!

Нашел в сараюхе елку (люминевую). Скоро Новый год, считая по моим засечкам. Мой Остров вытянут с востока на запад. Сделал копые. Судя по береговой черте, Остров постоянно окружен (даже летом) льдами. Прошлом лето – исключение. Поэтому я и встретился с медведем у Роуци. Откуда он выполз? И, главное, так быстро, что я не успел даже выхватить лук. Он навалился на меня, смрад изо рта ужасный! Первое и единственное, что я успел сделать, – приложил его по уху первым, что попало под руку. А под руку попал мой мяч. Медведь как-то дернулся – так люди делают, когда вода в ухо попадает, – пошатнулся и покосолапил от меня к морю, мотая головой. Я за ним! Чо меня дернуло? Он повернулся ко мне, я смотрю – одного глаза у него нет, а единственный целый как у побитой собаки. А-ааа-а – так это мой клиент! Медведица! Я схватил мяч, бросил и опять ему в голову угодил. И тут странная вещь случилась: она с копыт – брык, мешком упала и покатилась по обрыву к морю. Я за ней бегу, но не успел – медведь мой в воду булькнул и ме-е-едленно так пошел ко дну лапами вверх. Во дела! Сидел я ждал потом часа два, примерз весь. Думал, всплывет туша – вот мне тогда совсем об одежде беспокоиться не надо будет. Нет, не всплыл мишка.

С мачты уберу растяжки – уж больно воют. Никуда она не денется, а на мой НП, на качающуюся мачту, залазить будет еще интереснее.

Мираж каких-то островов на западе.

Ветер точно над мачтой. Когда опускается ниже – мачта начинает выть.

Вчера была моя одноглазая медведица с медвежатами. Она очень осторожная: «Тру-тру-молчок...» А они снуют и снуют как челноки: «П-ш-ш!»

Один по сугробу даже на крышу залез и грохнулся: «Б-бамсс! У-йяаа! Больнооо!!» Она ему: «Р-ррр! Не скули, Умка!»

Чайки носятся удивительно, не сталкиваясь. Снег сверкает. Будто не было снежно-ветрового заряда. Такой в походе заметёт следы и кукуй две недели – пожирай ценные продукты. К сожалению, на моей адмиралтейской верфи нельзя сделать через торосный буер. А идея интересная. В примитивном виде – идешь через торос и мотобуром закрепляешь ледовый якорь, и буер вытягивает лебёдку и перебирается через торос. Более сложно – робот-льдозакрепитель, можно и парус-винт (он работает то, как ветряк, то, как парус, складывая винты, а то винт меняет положение и переносит судно через торос вертолетно, конвертопланно). Нужны лёгкие кумуляторы, кевлар, и конечно, чипсы.

Все брёвна поскребаны медведями. Один скребётся возле моей головы в сорока сантиметрах через стенку – неужели чует. Али ёнто кака-то духовна обчность?

Мачта воет. Дом сжимается: «Оххх!» в ромб, хоть и укреплен тросами. Как бы перетаптывается.

Потом наползут туманы.

Уйдут медведи.

В этом году льды даже в ураган не отходят от Острова. Иногда мне даже кажется, что Остров плывёт по воле ветра.

Я, наверное, схожу с ума. Вчера мой остров вертелся или звёзды над ним.

Лето, как открытый бункер с золотом, мчалось всегда стремительно. Походы в тундру. Моллюски, купание в ледяной воде (внизу лёд – и здесь на Острове), охота, стрельбы хариусов (Вовка опустил ствол в воду, и тот оторвало напрочь), зелень, лук, черемша, скалы, когда бежали из лагеря, старый корабль, Магадан, Певек, Тикси, Анадырь – одно за одним, до высот Москвы, а тут день за днём...

Дерево оттаивает, а потом скрипит, замерзая, и снова оттаивает. Дел-то, море! А такое ощущение, что уже зима и надо впадать в спячку. Нужно шить балахон. Разобрать сарай на растопку. Боюсь, что вот так вот уйду. Сошёл с ума и ушел от продуктовой точки. Брёвна чуть ли не из корабельной сосны, а тут нужна лиственница. Через сто лет он рассыплется в труху, и под ней найдут мою скульптуру, изваяние на фоне заката.

Гагары орут как человеки. Будь-то, акулы их кромсают. А белуха только сопит, как старый мафиози, которого в ванной топят подкупленные любовницы. Такая весёлая стайка. И кровь на воде. В джакузи топят с хохотом, с визгом. А каково ему уходить из жизни от красивых девичьих рук? Главная отвлекается – ей звонит сын «босса». Телефон у неё с гарнитурой, но она по привычке подносит к микрофону – красивая, загорелая, сияющая (общая красота, начиная с мизинцев): «Да-да, всё в порядке! Сейчас кончим!» Опять его ножом, ножницами тыр-тыр-тыр! И в глаза ему: «Умри!»

Всех бы их так!

После двух дней на воздухе, без жилья, проведенных в городе или на благодатном юге уже не беспокоишься, где «бросишь тушку». Где-нибудь.

В тайге – после пяти дней. В сырой тайге – через семь. В зимней – через девять. Лишь бы топор был.

Другое дело – в Арктике. За тобой ведь остаётся след. Даже занесенный снегом, он – ниточка, бродящего в поисках пищи хищника. В армии на посту накрывался дождевиком и спал, а теперь страшно. Тогда надо было бояться. Дождь – подходи и бей по башке – нет, не боялся. Спецназ чеченцы окружили, и не один не сдался – вот люди!

Когда выберусь с Острова – буду грабить мафиози. Главное – отвлечь. Вот он всунул пластиковую карту в банкомат, получил свои грязные деньги и ждёт карту обратно. Я рядом стою. Мои соотечественники по ограблению и восстановлению справедливости разыгрывают сцену (можно даже пантомиму) – девушка кричит юноше: «Ты этого хотел, Вася (или Петя)!?» И начинает раздеваться. Мафиозо, конечно, на голую красотку вылупиться своими шарёшками, а я в это время заменяю пластиковую карту другой. Ну, а уж код узнать просто.

На кухне у меня бардак...

Сегодня прочитал – смеялся, впал в ступор... Вот не дурак же я, а?

На независимой выставке в Свердловске у меня были картины лежащих девушек со стальными выпуклостями, и тоже никто не верил. А девушка эта пела у меня в ванной и: «Нет! Нет!» при моих заходах. Кудесница. Тогда они не ездили в золочёных каретах. Нужно было увидеть, и... Мешали зеваки, и тогда девушки начинали понимать свою ценность. То, что через десять лет они начнут выигрывать конкурсы красоты хотя-бы с этой кожей. Неостребованные, они сохраняли очарование гораздо дольше, чем сейчас – их тени были длинными, а соски острыми и еще существовал институт девственности. К её потере не относились как к съемке заводской обёртки. Чистота, любовь к отчизне, православие – вот на чем держалась Русь. Впрочем, я заскочил слишком далеко, да и у нас в Сибири нравы были всегда просче, хотя я не знал женщин до-после армии, потому что полюбить даже девушку, которая любит тебя, означало автоматически жениться. Мы даже не знали КАК... Вот наше детство и есть мир длинных теней – будь-то бы, всё было по-другому.

А сейчас, глядишь на девушку и зримо представляешь, с каким количеством парубков она уже отоспала. Вход в неё означает для неё меньше, чем для Клеопатры. Она – светящийся номер, один, два, три, сто... И эти твари лезут в кино, в телевизор.

Увеличила свой номер на сотню и тебя видит весь мир. Потому маньяки и кидаются на девочек.

Твари! Мерзкие, текущие, стандартные (даже в смехе) твари и полутвари!

Остаться в Арктике и УСНУТЬ.

А может, во всём виновата мужская ненасытность? Эта иллюзия о Мадонне? Мадонна была, когда был Бог.

Если в тебе нет Бога, то будь добр – откажись и от Мадонны. Твоя Мадонна – американская шлюшка.

Механически, всё механически. Бездушно. Только дикари, завоёвывающие этот мир, спасают его от роботости. В борьбе с ними каждый обращается к душе. А если не будет дикарей? Полная бездушность? Горстка дикарей завоёвывают Рим, средневековую Россию, и новый виток – дикари превращаются в хомо сапиенсов, теряют душу и опять нужны дикари!

Откуда их взять? Африка? Мадагаскар? Придумать? Робот вытаскивает из себя душу, сражаясь с придуманными дикарями, чтобы не стать роботом – «roboabsolutas». С шестидесятих годов уже скоро полвека. Может лучше к звёздам?

Она
Отключила уши
И
Зуммер
Её
Телефона не возрождается
Бесконечным
Набиранием номера

Скалистые, ледяные берега моего Острова, некоторые скалы, как небоскрёбы преобразуются чайками. Они носятся на фоне этих берегов и глаз, сохраняя линию полёта, как бы режет эти и так изрезанные громады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.